

**Фридрих Карпелевич, 11 сентября 1989 года, Москва, гостиница
Академии Наук СССР; Part 2**

Е. Дынкин: Продолжайте, пожалуйста.

Ф. Карпелевич: Мама была единственный человек, который работал в нашей семье. А в это время брат учился в медицинском институте. Он пришел с войны инвалидом. Инвалидом 3-ей группы, но всё-таки это была инвалидность. Он учился в медицинском институте...

Е. Д.: Как он сейчас? Благополучен?

Ф. К.: Вполне. Он заведует отделением хирургическим в одной из больниц в Москве.

Е. Д.: Хороший хирург?

Ф. К.: Неплохой хирург. Он - хирург-травматолог... И когда кто-нибудь там руку-ногу ломает, не дай Бог, то он помогает.

Е. Д.: Понятно.

Ф. К.: А сестра училась ещё в школе, ее тоже нужно было как-то обеспечить.

Е. Д.: Вы ведь вообще были немножко старше, по-моему, чем ваши однокашники?

Ф. К.: Я старше своих однокашников. Потому что, во время войны я ведь не уезжал из Москвы. Никуда мы не уезжали, не эвакуировались, а в Москве два года школы не работали. Зиму 41-42 и зиму 42-43 занятий не было. Всякие экстерны были.

Е. Д.: А что же вы делали в это время? Сколько вам было лет?

Ф. К.: Мне исполнилось 14, и я пошел на завод. И я работал фрезеровщиком. И теперь я, вы не шутите, я фрезеровщик 4-ого разряда. У меня, как говорится, в руках специальность.

Е. Д.: Так что в крайнем случае...

Ф. К.: Да, я твердо стою на земле. Если что, я пойду и стану к фрезерному станку, и все.

Е. Д.: Были времена, когда такой вариант...

Ф. К.: Не исключался. Да. И я, что ж, я проработал эти два года. И, это мне, так сказать, определенную пользу принесло. Вы понимаете? Вот, например, я могу починить, какую-нибудь там розетку.

Е. Д.: Ну, на это, конечно, можно было и не тратить два года на заводе.

Ф. К.: Я могу делать и более сложные вещи. Если мне дадут фрезерный станок, я ключ сделаю!

Е. Д.: Ну, у меня есть такая машинка, которая делает ключи, просто копируя с одного на другое.

Ф. К.: Так у вас машинка есть! Я-то сделаю руками, без машинки. Ну, в общем, это все пустяки.

Е. Д.: А как же вы математикой заинтересовались?

Ф. К.: А потом начались в Москве регулярные школьные занятия. Я пошел в седьмой класс, если я не ошибаюсь... Окончил школу. А во время школы мне математика почему-то лучше всего давалась. И как-то это было наиболее приятно мне. В ваш школьный математический кружок я попал в десятом классе, а дальше уже все вы и так знаете.

Е. Д.: Понятно. Так что вы... А ваше так сказать рабочее происхождение, оно и в самом деле рабочее? Ведь в том смысле, что бывали... часто как бы оказывалось, что, например, вполне интеллигентная семья, но приходилось ему, например, переходить на такое положение там по политическим каким-то вещам. Сажали кого-то там, или высылали

кого-то, или что-то такое в этом роде. Или вы действительно потомственный рабочий класс?

Ф. К.: Ну, насчет того, потомственный я или нет, так этого я просто не знаю. Я не знаю, кто были мои деды. Но мама у меня из Херсона. Отец у меня был токарь. А потом он работал механиком... Я, правда, вот, не знаю, кто был мой дед по материнской и кто по отцовской линии. Вот дедов я не знаю.

Е. Д.: Если вам про них не говорили, то вполне возможно, что они могли быть какими-то н эпманами.

Ф. К.: Это не факт. А деды просто умерли к этому времени, так мне и не рассказывали. А бабушка жила с нами. Бабушка мамина, а бабушка отцовская, недалеко тоже так была. Так что дедов я, к сожалению, действительно не знал.

Е. Д.: Ну, ладно, теперь второй факт вашей биографии. Я помню, когда вы кончали, а я ходил с Петровским вокруг галереи и просил его, чтобы вас приняли в аспирантуру. И прямо говорил ему, что вот... Да, подождите, ваш отец был арестован?

Ф. К.: Его действительно арестовали, но его арестовали не по политическим причинам...

Е. Д.: А почему?

Ф. К.:...А он занимался спекуляцией часами.

Е. Д.: Так почему же вы это не популяризировали? Ведь хотя в те времена явно евреев и не любили, но все-таки открыто мотивировали отказы не этим. Я очень близко все это к сердцу принимал. Кстати, мой отец тоже посажен был, и у меня самого большие трудности были в жизни из-за этого. И я прекрасно помню, что главным препятствием к тому, чтобы вас можно было выдвинуть в аспирантуру, было то, что ваш отец репрессирован. И вы это мне сказали, и кому-то другому сказали, и мы это принимали к сведению, как печальный факт жизни. И, вот, я это обсуждал с Петровским. Я помню даже его слова: «А когда с ним эта неприятность случилась?» Думаю, вы мне говорили, что это был 37-ой - 38-ой годы.

Ф. К.: Нет, что вы. Он же воевал, мой отец. Его арестовали уже после войны. За спекуляцию часами.

Е. Д.: Ну, так я думаю, что это было очень хорошо для вас, что это всего-то спекуляция часами, а не 58-ая статья, но я этого не знал, я этого Петровскому не сказал. И это очень глупо, потому что, понимаете, по сравнению с 58-ой статьей все остальное рассматривалось как совершеннейшая... мелочь.